

ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАДОКСЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ¹

Л. А. Брусенская, И. В. Беляева

Ростовский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 20 июня 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются не тривиальные несоответствия, присущие членам привативной грамматической оппозиции, а более редкие, лексикализованные проявления гендерной асимметрии. Парадоксы, связанные с гендерными характеристиками (отсутствие логичных родовых параллелей, формирование у родовых коррелятов различной прагматики и даже энантиосемии) анализируются с точки зрения их когнитивных характеристик и лингвопрагматических параметров. На материале актуальных современных текстов, главным образом — медиа 2022–2023 гг., с помощью когнитивного и контекстуального лингвопрагматического анализа охарактеризованы лексические и грамматические единицы, манифестирующие гендерные парадоксы.

Ключевые слова: экспрессивная грамматика, категория рода, гендерная асимметрия, феминитивы, парадоксальная форма, прагматическое содержание языковых единиц.

Abstract: the article considers not trivial inconsistencies inherent to components of the privative grammatical opposition, but more rare, lexicalized manifestations of gender asymmetry. The paradoxes associated with gender characteristics (the absence of logical generic parallels, the formation of generic correlates with different pragmatics and even enantiosemy) are analyzed in terms of their cognitive characteristics and linguistic-pragmatic parameters. Lexical and grammatical units manifesting gender paradoxes are characterized on the material of actual modern texts, mainly media of 2022–2023, with the help of cognitive and contextual linguopragmatic analysis.

Keywords: expressive grammar, gender category, gender asymmetry, femininitives, paradoxical form, pragmatic content of linguistic units.

Парадигмы семантически детерминированных морфологических категорий, таких как число и род, включают в себя парадоксальные формы — единственное число для обозначения множества (так называемые обобщенно-собирающее значение и значение класса), мужской род для обозначения женщин (*врач*) и т.п. Категория рода личных имен существительных, как известно, представляет собой привативную грамматическую оппозицию с маркированным женским родом. Выбор немаркированного мужского или маркированного женского рода для обозначения лица женского пола определяется комплексом факторов, учет которых «снимает» противоречие. Так, немаркированный мужской род уместен при более абстрактном употреблении (тогда не важен пол обозначаемого лица) или в официально-деловом стиле, в то время как маркированный женский род более пригоден в межличностном общении (здесь маркировка по признаку пола очень существенна).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21–512–07002 «Разноуровневые речевые конституенты конфликтной коммуникации».

В работах А. А. Потебни, В. В. Виноградова, А. М. Пешковского устанавливался продуктивный характер категории рода в языке, в индоевропейских языках, в частности в русском. Эта категория может использоваться для обеспечения реализации семантического и прагматического потенциала лингвистических единиц. Современный материал показывает, что развитие и обогащение этой категории продолжается, о чем свидетельствует элиминирование гендерных лакун, изменение сочетаемости гендерно маркированных номинаций, переосмысление нормативности, связанной с категорией грамматического рода.

Неоднократно отмечалось, что в русском языке главная номинация *Homo sapiens* — человек парадоксальна в том смысле, что, во-первых, не имеет женского коррелята, а, во-вторых, далеко не всегда уместна по отношению к лицу женского пола [1–3]. В обыденном языковом сознании слово *человек* прочно ассоциируется с лицом мужского пола. Это прекрасно видно, например, в реакциях персонажа (матери взрослого сына) из рассказа Л. Петрушевской «Детский праздник»:

— *Мама, я полюбил человека (пауза, мать кивает, подозревая бог весть что). Мама, этот человек беременный (мать кивает чуть ли не с облегчением).*

По той же причине *молодой человек* — этикетное обращение исключительно к мужчине. Некорректно использование слова *человек* в контекстах, где речь идет о типично женских атрибутах внешности или одежды: *вошел человек на высоких каблуках, в короткой юбке и под*. Ср. появление сомнительных с точки зрения нормативности форм, которые можно охарактеризовать как элиминированные лакуны категории рода:

Однажды, в ранней своей семиотической молодости, я брякнул кому-то из взрослых коллег, то ли статной лингвистке Н., чуть постарше меня и очень мне нравившейся, то ли еще более зрелому востоковеду П., пользовавшемуся репутацией университетского гуру, а может, обоим сразу, что всякая там любовь и ревность — матери не столько реальные, половые, физические, сколько условные, символические, ритуальные [4, 167]; *А в свое время я, выражаясь по-зоценковски, конечно увлекался одной лауреаткой* [4, 110].

Еще один парадокс — соотношение коррелятов *профессионал* — *профессионалка*. В «Толковом словаре названий женщин», составленном Н. П. Колесниковым [5], женский коррелят представлен как семантически идентичный мужскому: *профессионалка* — высококлассный специалист женского пола в той или иной сфере. Между тем это далеко не так. Ср. такое свидетельство: «Введите в гугл-картинки слово «профессионал» — появятся мужчины в костюмах или в худшем случае с дрелью... А попробуйте «профессионалка» — и увидите, увы, проститутки» [6, 212]. Женский коррелят в значении «проститутка» используется в комедии Эльдара Рязанова «Старые клячи». Е. В. Мелихова совершенно справедливо пишет о сформированной энантиосемии: мощная позитивная прагматика слова *профессионал* не просто деформируется, а обращается в свою противоположность в форме *профессионалка* [3, 27]. И при необходимости применить понятие профессионализма к женщине используется исключительно мужской коррелят, ср.:

...эта женщина (я потом учился у нее в аспирантуре) вовсе не была сталинисткой, скорее наоборот, просто она была профессионалом [7, 3]. В этом примере показательное феминное обозначение *сталинистка*, которое коррелирует с мужским родом слова *профессионал*.

Интересный пример гендерной асимметрии представляет собой слово *старик* и форма множественного числа — *старики*. Давно сформировалась традиция применять слово *старика* к пожилой супружеской паре, к родителям (*старика Базаровы* у Тургенева; *Постарели мои старика* — строка из песни И. Саруханова на слова С. Осиашвили и т.п.). Применяется форма *старика* к лицам обоего пола, когда речь идет, например, об артистах старшего поколения (*великие мхатовские старика*). Более того, форма

старика используется даже тогда, когда имеются в виду только женщины, ср.: *Учился у Михаила Царева, видел великих стариков наших — Нифонтову, Гоголеву* [8, 15]. Невозможно **видел великих старух наших — Нифонтову, Гоголеву*.

Поразительно то, что в форме множественного числа *старика* совершенно утрачивается пейоративность, в той или иной степени присущая формам единственного числа. А у множественного числа *старухи* пейоративность сохраняется, именно поэтому в приведенном контексте эта форма невозможна.

В последние десятилетия категория грамматического рода развивается по за счет элиминирования системных лакун [9–10]. Сорок лет назад А. А. Брагина [11, 72] утверждала, что слово *пловец* не имеет женского коррелята. Конечно, слово *пловчиха* было в ходу, но суффикс *-их-* делал сомнительной возможность использования этого слова с нейтральной прагматикой. Двадцать лет назад Г. В. Бортник [12] писал об отсутствии женских вариантов к словам *асс, авторитет, виртуоз, гений, универсал, лауреат, дипломат, гроссмейстер, мастер спорта, герой, анималист, документалист, режиссер, вождь, политик*.

За прошедшие два десятилетия норма в отношении этих слов и женских коррелятов к ним претерпела значительные изменения. Во-первых, женские корреляты стали обычными в медиадискурсе: *...22 января главная дипломатка Германии Анна-лена Бербок заявила, что Германия не станет возражать против поставок танков через третьи страны, да и вообще — «всякое может быть»* [13, 2];

По данным британской газеты The Sun, основных претендентов на сей пост пять. Прежде всего это упомянутая «председательница Евросоюза» Урсула фон дер Ляйен. <...> На этом фоне чуть более эстетично выглядит еще одна кандидатка — экс-президент Хорватии Колинда Грабар-Китарович [14, 7];

Две недели назад мы писали о том, как потомственная евробюрократка рядится в одежды французской националистки для консолидации правых протестных настроений... <...> Итог выборов показал не только верность председательницы «Национального объединения» этому нехитрому плану, но и куда более занятные вещи. <...> С одной стороны, причиной этой умеренности на внутрифранцузском фронте стала беззубость Ле Пен — о том, что кандидатка не представляет серьезной угрозы для Макрона говорили еще перед первым туром. <...> Не будем все-речь считать Марин маргинальной оппозиционеркой и искренней противницей НАТО и Евросоюза [15, 2];

Так вот: без художника Россия проживет спокойно. Без авторок и блогеров. Без рэперов и модельеров [16, 5]. Ср. также:

Заголовок **Министерки** обороны. Текст: *Время от времени медиа показывают нам военных министров европейских стран. Чаще всего это интерес-*

ные дамы средних лет. Это как бы должно означать, что вот она, красота, спасет мир [17, 29]. Ср. также иллюстративный материал, включающий многочисленные формы типа *президентка Санду, премьер-министерка, актерка, моделька, магесса* из интернет-источников, в работе [18].

Конечно, во всех этих случаях феминитивы прагматически отмечены — чаще всего они коннотируют пейоративность и потому не пригодны как нейтральные обозначения в стандартных (официально-деловых) текстах.

Но, во-вторых, сделаны определенные шаги в сторону узуальности и нормативности феминитивов: в документах Московского международного кинофестиваля 2021 г. появилась номинация *режиссерка* (наименование фестивальной программы «Кинорежиссерки нашего времени»). Так что теперь эта форма не только отражает все оттенки пейоративности, но может служить и нейтральным наименованием женщины по профессии. Началось такое движение и у других феминитивов. Ср. феминитивы в тексте введения к книге М. Бобылевой «Мы так говорим» [6]:

Есть еще книга лингвистки Ирины Фуфаевой «Как называются женщины»... Спасибо психологине Заре Арутюнян, с которой мы весело и продуктивно провели не одну публичную дискуссию...

В «Малом словаре феминитивов» Л. Мазикиной создатели словаря поименованы так: *редактриса* Наталья Крайнова, *бета-чтица* Хали Кулешова, *корректорка* Холли [12]. То есть показательна и сама нормализаторская работа в сфере феминитивов (их лексикографирование), а также активное продвижение неузуальных (пока) образований [20–27].

Установлено, что род антропонимов напрямую связан с социальными обстоятельствами — распространенностью/нераспространенностью той или иной профессии среди женщин [1; 28]. Именно вследствие этой зависимости форма *доярка* неизмеримо более частотна, чем *дояр*, а слово *уборщица* оказывается единственной номинацией профессии:

*Работа в военно-морском музее <...> внушила мне стойкое, прочное, вечное отвращение к уборке. И сочувствие к уборщицам. Если есть чистые символы энтропии этого мира — то это они. Их работу невозможно СДЕЛАТЬ, ее надо постоянно ДЕЛАТЬ. Тупую, тяжелую, грязную, унылую, беспросветную. Притом, заметьте, это единственная профессия в России, имеющая строго обозначенный пол: требуется всегда **УБОРЩИЦА**. Только в последнее время появились кое-где уборщики, люди из стран бывшего СССР [29].*

Однако и эта связь с социальными обстоятельствами не является прямой и однозначной: распространенность профессии в случаях *врач, доктор, терапевт* и под. не привела к появлению нейтральных коррелятов женского рода как в случае *учитель* — *учительница*. В то же время именно популярность профессии режиссера среди женщин в кинемато-

графе постсоветского периода привела к широкому распространению формы *режиссерка*:

*Я к тому, что сериал критиковали за мизогинию, в основном из-за придуманной **режиссерки** Саши Тапочек, за которой вы сами скрывались [30, 17].*

Вполне понятен мужской род воинских званий и, соответственно, наименований лиц по воинскому званию, однако ср. заголовок статьи Д. Попова «**Адмиралка** и прочие «диверсити» [31, 6].

Лид: Одной из самых обсуждаемых фотографий на неделе была фотография трансгендерного адмирала США Рейчела Левина и зампомощника министра ядерной энергетики США Сэма Бринтона (тоже в женской одежде) в посольстве Франции на приеме в честь Дня взятия Бастилии. На снимке персонажи статьи — в женской одежде (Рэйчел Левин в адмиральском кителе и юбке, Сэм Бринтон — в мини-юбке). Ср. также:

*История с Одри Хейл не стала исключением — NBC News поведала миру душещипательную историю о том, как Одри... то есть, простите, Эйден, очень **расстроилась... то есть расстроился** из-за гибели своей подруги прошлым летом — это, вкупе с трансфобией общества и жестокостью всех вокруг по отношению к трансам, подтолкнуло нашу **героиню... героя** к совершению преступления [32, 2].*

Этот текст вполне соответствует мыслям М. Бобылевой [6, 208]: называть человека надо в том роде и тем именем, которое он себе выбрал, причем даже если речь идет о прошлом существовании с изначальной гендерной идентичностью. Получается парадокс: надо говорить не только *трансгендер Катя пришла в клуб*, но и *в десять лет Катя поступила в футбольную школу, в 18 лет Катя пошла в армию, в 25 — женилась...* Другой предмет внимания М. Бобылевой — небинарные люди, которые не ассоциируют себя твердо с определенным полом (например, дочь актера Михаила Ефремова Анна-Мария — небинарный человек и говорит о себе в мужском роде, но при этом, отмечает М. Бобылева [6, 208], сказать про Анну-Марию «сын» нельзя). Думаем, что законодательно принятый запрет на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, исключение из общественной повестки темы трансгендеров, смены пола и проч. сами по себе устранят проблемы таких номинаций.

Отмеченное влияние социальных факторов на особенности использования гендерно мотивированных наименований распространяется и на область синтактики. Полвека назад начала завоевывать позиции (не без сопротивления!) координация по женскому роду типа *врач сказала*. В наши дни процесс унификации сочетаемости продолжается. Нелогичность современной нормы *хороший врач сказала* побуждает к динамическим переменам, ср.:

***Новая** пресс-секретарь не разочаровала: всего за два месяца она породила столько ляпов, глупостей*

и оговорок, сколько не допустила за четыре года своего присутствия на постах пресс-секретаря важнейших американских ведомств даже сама Псаки.

Через несколько дней стало ясно, что это была не оговорка не слишком **внимательного к своим словам пресс-секретаря**, а сознательная линия Демократической партии [33, 2].

В приведенном примере показательна, с одной стороны, новая сочетаемость с атрибутом по женскому роду, а с другой — прежняя невозможность косвенных падежей для новых словосочетаний. Еще Л. Л. Буланин [34, 52–53] писал, что если и считать единицы типа *врач* словами общего рода, то это будут «однопадежные слова» (потому что невозможно: *молодой врач*, *молодой врачу* и под.). И современный журналист избегает косвенного падежа: **внимательной пресс-секретаря* (при том, что ранее было *новая пресс-секретарь*, а не *новый пресс-секретарь*).

Особенность русского языка, неоднократно отмеченная грамматистами, состоит в том, что женские корреляты чаще всего оказываются прагматически маркированными (чаще — негативно). В этом тоже заключается в известном смысле парадокс: формы, которые призваны точно обозначить лицо женского пола по профессии, «нагружаются» добавочными смыслами (чего очевидно нет в болгарском, чешском, польском — языках южнославянской и западнославянской групп). Понятно, почему заведомыми пейоративами будут формы женского рода применительно к мужчинам (*баба* о мужчине), но то, что феминитивы применительно к женщинам регулярно становятся знаками иронии, осуждения, насмешки, пренебрежения, сарказма, — это данность, причины которой не вполне осмыслены. Конечно, есть наблюдения относительно исторической пейоративности некоторых женских суффиксов (*-их-*), влияния семантики ‘жена по мужу’, но всю картину (прежде всего — применительно к образованиям с суффиксом *-к-*) они не объясняют. Впрочем, как было показано, эта картина начинает постепенно меняться: феминитивы активно завоевывают позиции и как нейтральные номинации.

Итак, асимметрия означающего и означаемого как кардинальное свойство знаковой системы языка сама по себе предопределяет возможность парадоксальных номинаций. Привативный (а не эквивалентный) характер категории рода антропонимов усугубляет эту возможность. Категория «гендер» особым образом модифицируется применительно к отдельным наименованиям типа *человек*, *профессионал* — *профессионалка*, *старики*, что порождает, с одной стороны, лингводидактические трудности, а с другой — возможности обыгрывания этого в выразительных текстах. Проблемы с такими особыми лексемами (как и с адекватной прагматической характеристикой новых феминитивов, с новой сочетаемостью по роду) могут быть решены на основе

детального лексикографического портретирования (по типу «малой монографии об отдельном слове» в духе идей Ю. Д. Апресяна), а также социолингвистического портретирования, учитывающего кодовые переключения, обусловленные типом коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук / М. В. Ласкова. — Ростов н/Д, 2001.
2. Малащенко М. В. Имя в парадигмах лингвопрагматики / М. В. Малащенко. — Ростов н/Д, 2003.
3. Мелихова Е. В. Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Мелихова. — Ростов н/Д, 2008.
4. Жолковский А. К. Выбранные места, или Сюжеты разных лет: виньетки, рассказы, эссе, статьи / А. К. Жолковский. — М.: Колибри, 2016. — 573 с.
5. Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: более 7000 единиц / Н. П. Колесников. — М.: Астрель: АСТ, 2002. — 607 с.
6. Бобылева М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать / М. Бобылева. — М.: АСТ, 2021. — 224 с.
7. Сорокин Н. Искусство думать / Н. Сорокин // Завтра. — 2022. — № 28.
8. Гордеева Я. Александр Клюквин: Подружиться с родителями супруги помогла моя наглость / Я. Гордеева // Экспресс-газета. — 2023. — № 22.
9. Куликова Э. Г. Элиминированные лакуны vs потенциальные грамматические формы: корреляция понятий / Э. Г. Куликова, О. М. Акай, И. В. Беляева // Вестник Российского нового университета. — 2020. — Вып. 4. — С. 98–104.
10. Куликова Э. Г. Синтактика феминитивов и экологическое мышление / Э. Г. Куликова, О. М. Акай, З. К. Тедеева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. — 2022. — Вып. 3 (59). — С. 21–32.
11. Брагина А. А. Наблюдения над категорией рода в русском языке / А. А. Брагина // Вопросы языкознания. — 1981. — № 5. — С. 65–82.
12. Бортник Г. В. «Обидная» категория / Г. В. Бортник // Русская речь. — 2001. — № 2. — С. 51–54.
13. Титов И. Скрежет танков / И. Титов // Завтра. — 2023. — № 3.
14. Чесноков Э. Четыре дамы и один британский джонкер / Э. Чесноков // Комсомольская правда. — 2023. — 5 апр.
15. Зайцев К. Итоги борьбы нанайских девочек / К. Зайцев // Завтра. — 2022. — № 16.
16. Туханина О. Держите свою фигу в кармане. Но не вынимайте! / О. Туханина // Комсомольская правда. — 2022. — 20–27 апр.
17. Березин В. Министерки обороны / В. Березин // Литературная газета. — 2023. — № 19.
18. Акай О. М. Функционально-прагматический аспект гендерной асимметрии в современной медиасфере / О. М. Акай, З. Т. Хашхожева, А. М. Камбачоков и др. // Вестник Российского нового университета. — 2022. — Вып. 3. — С. 94–99.

19. Мазикина Л. Малый справочник феминитивов / Л. Мазикина. — М., 2020.
20. Беркутова В. В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект / В. В. Беркутова // Филологический аспект. — 2019. — № 1 (45). — С. 7–26.
21. Бундова Ю. В. Феминитивы в современном русском дискурсе: лингвометодический аспект / Ю. В. Бундова, Е. П. Иванян // Поволжский педагогический вестник. — 2022. — Т. 10. — № 2 (35). — С. 64–68.
22. Ван Яньбин. Новейшие феминитивы и их отражение в «Викисловаре» и в языке Интернета / Ван Яньбин // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития. — Краснодар, 2018. — С. 68–70.
23. Гузаерова Р. Р. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве / Р. Р. Гузаерова, В. А. Косова // Филология и культура. — 2017. — № 4. — С. 11–15.
24. Захарчук Е. А. Феминитивы в коммуникативном пространстве современности: проблемы словообразования и словоупотребления / Е. А. Захарчук // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2021. — Вып. 3 (40). — С. 378–387.
25. Курбатова Л. П. Социальный и лингвистический аспект процесса образования феминитивов / Л. Л. Курбатова // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. — Барнаул, 2018. — С. 79–81.
26. Медведева А. А. Словообразовательные особенности феминитивов современного русского языка / А. А. Медведева // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик. — Курск, 2018. — С. 189–201.
27. Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция / И. В. Фуфаева. — М.: АСТ; CORPUS, 2020. — 304 с.
28. Сосновская Т. И. Социальная детерминация грамматических форм в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Сосновская. — Ростов н/Д., 2006. — 160 с.
29. Москвина Т. Жизнь советской девушки / Т. Москвина. — М., 2023. — Режим доступа: https://sharlib.com/read_413497-35 (дата обращения: 18.06.23).
30. Ноздряков Д. Слова «конец света» раньше казались смешными / Д. Ноздряков // Собеседник. — 2022. — № 46.
31. Попов Д. Адмиралка и прочие «диверсити» / Д. Попов // Московский комсомолец. — 2022. — 20–26 июня.
32. Титов И. Озверение в Теннесси / И. Титов // Завтра. — 2023. — № 13.
33. Зайцев К. Адский Джо / К. Зайцев // Завтра. — 2022. — № 35.
34. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Булавин. — М.: Просвещение, 1976. — 207 с.

Ростовский государственный экономический университет

Брусенская Л. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи
E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Беляева И. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи
E-mail: irinabelyaeva23234@mail.ru

Rostov State University of Economics
Brusenskaya L. A., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Speech Culture Department
E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Belyaeva I. V., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Speech Culture Department
E-mail: irinabelyaeva23234@mail.ru